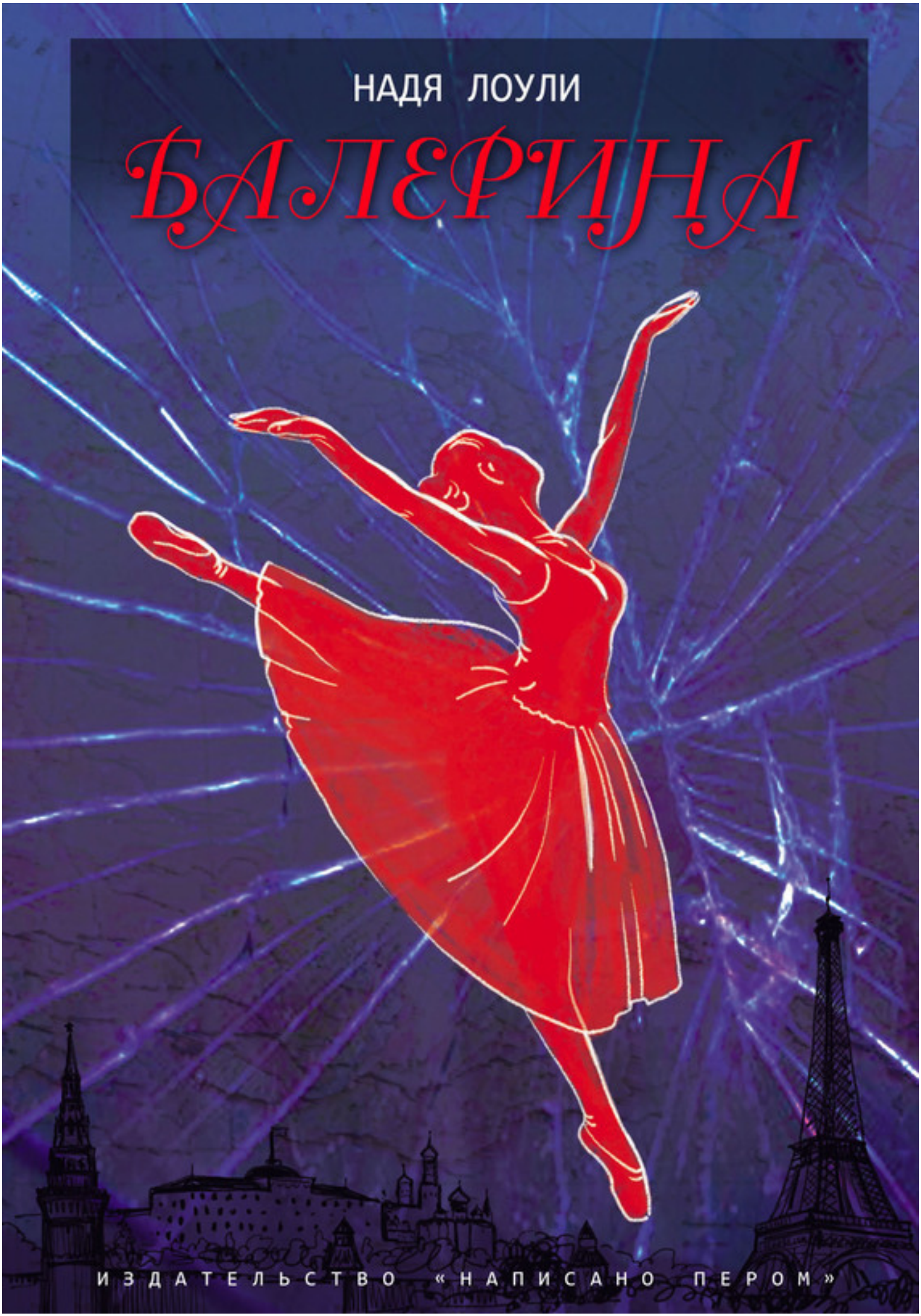
НАДЯ ЛОУЛИ

БАЛЕРИНА



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАПИСАНО ПЕРОМ»

Надя Лоули

Балерина

«Написано пером»

2014

Лоули Н.

Балерина / Н. Лоули — «Написано пером», 2014

Поздним вечером в квартире московской актрисы Любы Богдановой раздается телефонный звонок. Незнакомый мужской голос представляется кинодраматургом Артуром Гординским – другом ее матери, известной балерины Аллы Михайловой, умершей в Париже двадцать лет назад. Незнакомец просит о встрече, сделав акцент при этом, что это касается обстоятельств загадочной смерти звезды.

© Лоули Н., 2014
© Написано пером, 2014

Содержание

Книга первая 6
Балерина 10
1 10
2 13
3 15
4 16
5 18
6 20
7 21
8 22
9 25
10 28
11 31
12 33
13 36
14 37
15 39
16 42
17 45
18 47
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Надя Лоули
Балерина

www.napisanoperom.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

© Н.Лоули, 2014

© ООО «Написано пером», 2014

Книга первая

Передо мной все черно. Я открываю глаза, потому что мне стало больно от крепко сжатых век. Вокруг меня ночная тишина, а за окном идет предутренняя битва тьмы и света. Сквозь тяжелые шторы я вижу мерцание огонька. Это горит одинокий уличный фонарь. Скоро утро. Я лежу на своей кровати, словно в поднебесной люльке, которую качает вечность бытия. Я думаю о произошедшем сегодня, вернее уже вчера.

Было поздно, и я собиралась спать. Казалось, ничто не предвещало плохого. Как обычно, раскрыла книгу, брошенную со вчерашнего вечера, и начала читать. Когда раздался телефонный звонок, я, еще находясь в гуще событий душещипательного сюжета закрученной истории, автоматически сняла трубку. Я даже не успела подумать, что уже поздно, или удивиться: мол, кто это может звонить в двенадцатом часу ночи? По моей настоятельной просьбе (в недалеком прошлом у меня были проблемы зависать на телефонном проводе до утра) мои знакомые и друзья не звонят мне после десяти вечера. А тут на тебе! Незнакомый, располагающий, но с твердыми нотками мужской голос поверг меня в изумление и обрушил поток информации. Я только слушала, не в силах сказать ни слова. В заключение он извинился: «Простите, что побеспокоил вас столь поздно, желаю вам спокойной ночи. До скорой встречи!»

Короткие гудки привели меня в чувство. Я в полном смятении бросила трубку и рухнула в кресло: ничего себе – новости! Неожиданная весточка была из далекого прошлого. За какие-то считанные минуты в моей голове пронеслась вся моя жизнь. Этот звонок был как гром средь ясного неба!

Недолгий разговор с незнакомцем вернул меня на двадцать лет назад и зародил множество вопросов, на которые у меня не было ответа. А что могла я знать тогда, девчонка, в пятнадцать лет? Что моя мать бросила меня и бабушку ради французского мужа и уехала жить в Париж? И что ровно через год умерла от тяжелой болезни? Какой? Я ничего толком не знала. Бабушка после ее смерти прожила недолго – два года, но даже перед своей кончиной она ни разу не вспомнила о моей маме. Сейчас понимаю, что это не так, наверняка потеря единственной дочери и была причиной ее смерти. Скорее всего, загнав душевную боль глубоко в себя, она терзалась, делая вид, что ничего не случилось, и не выдержала страданий. Я же, по причине своей молодости и мучительной обиды на мать, не задавала бабушке никаких вопросов. Знала я только одно, и то в основном из банальных пересудов окружающих людей, что мама оставила Родину, семью, успешную карьеру в театре, поклонников, друзей… и, как кричала мне в лицо одна из ее близких подруг: «…тебя, тебя, девочка, бросила!»

Заканчивались эти разговоры всегда одним и тем же: «И чего ей здесь не хватало?»

Мама была, как теперь говорят, – звезда. И так получается, что она променяла свое благополучное существование в Ленинграде на год жизни в Париже и канула в вечность бесследно. Иногда мне казалось, что мама жива, и я еще долго надеялась, что однажды она позвонит как ни в чем не бывало и скажет: «Привет, дочь!»

Годы шли, но она не звонила. И я, смирившись с внезапной смертью матери, в душе простила ее и жила своей жизнью. Пока не раздался этот звонок на ночь глядя. Будь он проклят! И зачем я договорилась встретиться с незнакомым человеком?

Всю ночь я пыталась заснуть, но от волнения не сомкнула глаз до самого утра. Воспоминания – картинки из далекого детства, словно ожившие видения, проплывали зыбкими тенями и исчезали в мареве наступающего рассвета. Вот я, маленькая девочка, лет пяти, сижу в первом ряду партера и громко кричу на весь зал: «Ма-ама-а-а! Это – моя мама!» Все оборачиваются в мою сторону. А мама, такая красивая и молодая, улыбается и протягивает мне со сцены букет белых роз.

А вот еще одна картинка, мелькнувшая светлым лучиком в калейдоскопе жизненных осколков: мне – десять лет, наслаждаюсь редкими минутами, когда мама, папа и я – вместе. «Ура!» – раздуваю я щеки от счастья. Мы сидим в кафе-мороженице «Лягушатник» на Невском проспекте. Мой день рождения. Папа и мама пьют шампанское, а я уплетаю тройную порцию мороженого. «Вот маленькая обжорка!» – смеются родители.

Я перевернула влажную от слез подушку. Что это? Я плачу?

Заставила себя сомкнуть глаза. Не тут-то было! Когда услышала, что часы пробили пять ударов, я разозлилась и накрылась одеялом с головой. Надо поспать хоть часок, начала уговаривать я себя… Но я лежала с чувством, будто меня поместили в капсулу и бросили в мировое пространство. Одну. На вечное скитание.

Утро напомнило о себе трамвайными звонками и гудящим лифтом за стеной. Тревожные мысли о предстоящей встрече заставили меня встать пораньше и привести себя в порядок. Взглянула в зеркало и ужаснулась: черные круги под глазами! Мои глаза – гильотины, предсмертный взгляд, опасный для жизни. Я отвернулась от фантомного отражения. Надо же себя довести до такого!

В смятении вдруг подумала – может, никуда не ходить? Чуть было не вернулась в постель досыпать. Но вовремя спохватилась: надо собираться, раз договорились! И опять разозлилась. Человек из прошлого, черт бы его побрал, назначил мне встречу сегодня ни раньше ни позже, а в десять утра! И зачем согласилась? Надо было хотя бы в обед… По своей натуре я – сова, а ему, видите ли, нужно в Министерство культуры… А я здесь при чем?

Заставила себя принять контрастный душ, чтобы проснуться. Обычно помогает. Подкрасила глаза и стала прикидывать, в чем идти на встречу: в платье или в брюках? Мне так захотелось предстать красивой и достойной своей матери-звезды перед глазами незнакомого человека, в прошлом, по его словам, друга и поклонника. Под впечатлением этого я начала лихорадочно прихорашиваться, ведь красота и талант матери накладывали на меня определенную ответственность. Если честно, гламурный ореол воспоминаний и фотографий мамы всю жизнь давил на меня. Может, поэтому ничего хорошего в моей жизни и не получилось? Неудачная актриса. Разведена. Детей нет. Говорят, я похожа на мать, но я этого не нахожу. Мама была красавицей, а я… На данный момент, скорее всего, претендент на главную роль в фильме «Мумия возвращается!»

Интересно, какое впечатление я на него произведу? Тем более что он хорошо знал маму. Оглядев себя в зеркале с головы до ног, я опять разволновалась: выгляжу ужасно. И что ему нужно от меня? Говорит, написал кинороман о моей матери! Был близко с нею знаком! Но самое главное, что выбило меня из колеи и заинтриговало, это его признание, произнесенное приглушенным голосом, мол, вы не беспокойтесь, но так уж получилось, я сделал частное журналистское расследование. И, помолчав, добавил тоном, не терпящим возражений, дескать, хотите вы этого или нет, мне все равно, но по фактам жизни известной балерины буду делать фильм-сенсацию!

«Простите, а какая может быть сенсация в личной жизни и болезни моей матери?» – взволнованно спросила я. Честно говоря, я запаниковала.

Человек, почувствовав тревогу в моем голосе, начал торопливо оправдываться. Видите ли, ему важно ознакомить меня с материалом. И патетически заявил: «Я должен с вами считаться, как-никак героиня романа – ваша родная мать!»

Ну что же, спасибо и на этом!

После телефонного разговора я задумалась. Вся эта история мне совсем не нравилась. По-моему, это все смахивает на шантаж. Приготовившись к самому плохому, я поехала на свидание с очень нехорошим предчувствием.

Сразу скажу, предчувствие обмануло меня. Оказалось, все не так страшно, как я себе представляла, и даже неожиданно забавно. Хотя, если честно, легче на душе от этой встречи

мне уж точно не стало, но в результате передо мной лежит еще не прочитанный сценарий. Я посмотрела на часы. Поздно уже, черт возьми! Может быть, отложить чтение до утра?

Мысли опять вернулись к необычному рандеву, впечатление от которого до сих пор осталось смутным и неясным. А произошло все так.

Незнакомец представился киносценаристом Артуром Гординским. Это был высокий, худощавый мужчина лет сорока пяти, с каким-то измученным выражением лица, с четкими правильными чертами. Мне показалось, что это было даже не лицо, а какая-то восковая маска, на которой выделялись только глаза. Они-то меня и поразили: большие темные глаза, пронизывающие насквозь быстрым живым взглядом. «Тот еще жук!» – подумала я и приготовилась к пытке.

Но он был вежливым и деликатным:

– Вы копия вашей матери! – Еще раз просверлил глазами. «Прямо рентген какой-то!» – разозлилась я и стала смотреть на соседний стол, за которым веселилась группа подростков.

Говорил в основном он. Я слушала и молчала.

Он сразу начал с того, что предупредил меня: ваше мнение очень важно, и я буду считаться с ним! «Неужели?» – усмехнулась я про себя. Можно подумать, что это может изменить хоть что-то в его планах. Не знаю почему, он не вызывал у меня доверия, слишком неожиданно он свалился мне на голову со своим расследованием. И я сразу поняла его натуру: мягко стелет…

Под конец беседы, когда стало понятным, что моя роль слушательницы была ему нужна лишь для успокоения собственной совести, дескать, родственники в курсе, я предупреждал, он выразительно посмотрел мне в глаза. И, убедившись, что я особенно не возражаю его словам, человек-маска с гордостью положил передо мной на стол свою рукопись. Вот, мол, вам мой труд, оцените! И опять уставился на меня не мигая.

Я молчала, а что тут скажешь, что, дескать, эту ерунду читать не буду? Так это было бы неправдой. На самом деле мне было очень любопытно взглянуть, что он там напридумывал… И я, не сказав ни слова, положила толстенную рукопись в сумку. Он благодарно улыбнулся мне: «Мы с вами подружимся!»

Потом, просверлив меня в очередной раз любопытным взглядом, достал из внутреннего кармана своего пиджака маленький бумажный пакетик.

– Это вам, Люба! – и протянул мне его, загадочно прищурившись. Мне даже показалось, что-то человечное мелькнуло на маске-лице.

– Что это? – удивилась я. Но воспитанная бабушкой не задавать лишних вопросов, молча взяла в руки шуршащий кусочек бумаги.

– Спасибо! – и вопросительно посмотрела на него.

– Открывайте, открывайте! – как-то даже весело приказал он.

Я поддалась его настроению, улыбнулась и, ожидая сюрприза, как в детстве, с интересом развернула бумажку.

Что это? Господи, мамочка! Милая! Это знак от тебя…

На длинной серебряной цепочке весело скользнули миниатюрные балетные туфельки-пуанты из розового фарфора, и на стол упал такой до боли знакомый мамин талисман. Мое первое детское воспоминание связано именно с ним: мама склонилась надо мной, а я играю туфельками и смеюсь. Эти пуанты маме подарила прима-балерина Аделаида Князева, когда ее провожали на пенсию. Мама мне часто рассказывала, как на прощальном спектакле Аделаида вручила юной Аллочке Михайловой свои старенькие, видавшие виды пуанты. Такая была традиция в театре: уходящая солистка выбирала себе замену на свое почетное место. Она выбрала маму, поцеловала ее под овации зала, а на шею повесила этот талисман. С тех пор мама никогда с ним не расставалась.

Взяв дрожащими руками бесценный для меня подарок, я прижала туфельки к губам и тут же повесила цепочку себе на шею. Я просто испугалась, что у меня сейчас отнимут это сокровище.

– Я вам очень признательна! – Мне было трудно говорить, слезы подступили к горлу, и я действительно в эту минуту была ему очень благодарна. Ведь у меня, по правде говоря, кроме фотографий, от мамы ничего не осталось. Человек-маска все понял и искренне улыбнулся впервые за всю нашу встречу:

– Я рад, что вам это дорого…

– Простите, откуда это у вас?

Человек-маска печально улыбнулся:

– Я занимался журналистским расследованием в Париже, встречался с людьми, которые хорошо знали Аллу Владимировну. Брал интервью у ее последнего супруга – месье Дюшена. Это от него.

– Ну надо же! – удивилась я. Мамин муж, Даниэль, ни разу после смерти мамы не объявился и даже никогда не звонил. Я не навязывалась, так как была на него в страшной обиде и не простила его до сих пор.

Дело в том, что, когда стоял вопрос о моем воссоединении с матерью, она была еще жива-здорова и хлопотала о семейной визе, а я уже буквально сидела на чемоданах, месье Дюшен, не объяснив, в самый последний момент отказался подписать необходимые бумаги. Вот негодяй! Даже сейчас я не могу думать об этом спокойно. Меня во Францию не выпустили. Мама умерла. Прошло двадцать лет. И вот какими-то чудесными неведомыми путями в лице человека-маски ниточка, нежно звенящая туфельками-пуантами, соединила меня с мамой. Тепло ее любви – у меня! Я прижала руками к груди талисман и заплакала. Сценарист Гординский молча обнял меня и, понимая, что стал лишним в моем горе, ушел не оглядываясь.

И вот сейчас, устроившись в кресле с рукописью, я еще раз удостоверилась в наличии бесценного для меня украшения на шее и успокоилась. Чувство признательности человеку-маске и Даниэлю, Бог его простит за все, охватило меня в полной мере, ведь благодаря тому и другому через двадцать лет я обрела мою маму. Память о ней. Мама! Мамочка! Перед глазами поплыли расплывчатые черты лица улыбающейся маски, розовые пуанты на цепочке зазвенели тихой мелодией и, раскачиваясь, лица и предметы начали удаляться все дальше и дальше… Я отключилась.

Сколько я так сидела, один Бог свидетель. Открыв глаза, долго не могла понять, где я и который час. Ничего себе так отключиться! Бессонная ночь не прошла бесследно. Открытый сценарий на коленях вернул меня в реальность. Я начала читать. Моя голова была тяжелой, а путаные мысли не давали сосредоточиться на мелком шрифте текста. Приготовив себе крепкий кофе, я перебралась на кухню, чтобы не расслабляться в кресле, и с волнением погрузилась в чтение волнующих меня по известным причинам строк. И сразу проснулась, понимая, что вторую ночь мне тоже спать не придется! Итак…

Балерина
Кинороман

1

Самолет приземлился в парижском аэропорту Руасси – Шарль де Голль. Алла отстегнула ремни безопасности, искоса взглянула в иллюминатор и, увидев землю, с облегчением перевела дыхание – уф-ф-ф… Что и говорить, она ужасно не любила летать. У нее была устойчивая боязнь, как объяснил ей врач-психотерапевт, – фобия. Едва она входила в салон самолета, это состояние захватывало ее целиком и, несмотря на свою явную нелепость, изводило и мучило до конца полета.

– Ну, слава Богу, на земле! – она перекрестилась.

Пройдя все таможенные процедуры, поняла, что радовалась рано. Ее надолго задержали на паспортном контроле.

– Ну что, вы никогда не видели «серпасто-молоткастого»? – усмехнулась она чиновнику, сосредоточенно вглядывающегося в краснокожую книжицу с яркими золотыми буквами СССР на обложке. Паспорт ей вернули с улыбкой: добро пожаловать во Францию!

– Наконец. Мерси! – с облегчением выдохнула молодая женщина и, загрузив тележку с чемоданами, направилась к выходу.

За металлическим ограждением клубилась толпа встречающих. Даниэль, радостно улыбаясь, махал ей рукой. Она, все еще не ощущая земли под ногами, вышла из-за ограждения. И… о Боже! Алла увидела сияющие огоньки рекламы, улыбающихся людей в ярких одеждах, вывеску кафе …

После серой советской толпы и убогого ленинградского аэровокзала контраст был разительный. И только тогда до нее дошло окончательно: она действительно во Франции.

Молодая женщина испуганно оглянулась на закрывшуюся автоматическую стеклянную дверь. Обратной дороги нет!

Алла Владимировна Михайлова, Аллочка, как называли ее все, солистка Ленинградского театра оперы и балета, тридцати восьми лет, красивая преуспевающая балерина, прилетела в Париж. Выйдя в зал ожидания, она сразу же обратила на себя взоры всей встречающей публики. Не заметить ее было нельзя. Молодая женщина, с тоненькой фигуркой и гордым разворотом головы, легко толкала нагруженную чемоданами тележку. Ее светящееся изнутри, открытое и в то же время очень загадочное лицо притягивало внимание как магнит. Она была словно с другой планеты, такой отрешенный и далекий был ее неподвижный взор. Густые темные волосы, зачесанные назад, были собраны в длинный хвост. В контраст волосам – светло-серые большие распахнутые глаза, серьезный взгляд которых из-под темных пушистых ресниц никак не вязался с совершенно девичьим припухлым ртом, сразу выдававшим в ней женщину-ребенка.

Она повернулась на каблучках, толкнула неподъемную тележку, и толпа расступилась. Даниэль, гордый таким всеобщим вниманием, подошел к ней и, обняв ее, тоненькую и легкую, поцеловал и показал всем видом – моя! Перехватив у нее тележку, он, не спуская с нее восторженных глаз и отчаянно коверкая русский и английский, пытался высказаться, как он счастлив:

– Дорогая! Лав ю! Шери, жэ тэм!

Что уж тут объяснять: и так за версту было видно, что он безумно в нее влюблен. Только слепой этого бы не увидел. Аллочка беспомощно зажмурилась. Честно говоря, ей было не до

того. А муж, как нарочно, говорил без умолку, мешая французские и английские слова, отчего она опять впала во внутреннюю истерику, как перед отлетом.

Боже праведный, как он много говорит!

И испугалась. Ну как же, скажите на милость, они будут общаться всерьез и надолго, если ее французский был не очень, а его английский – желал лучшего? Раньше она об этом не думала, вернее старалась не думать. Да и некогда было размышлять в настигшей ее беде, когда надо было только одно – бросить все и уехать! На тот момент ей было все равно, куда и к кому. К черту, к мужу, на луну… И чем дальше, тем лучше! Ей еще повезло – во Францию! К влюбленному в нее мужчине!

Алла содрогнулась, вспомнив, что произошло с ней дома, на Родине, и выдох облегчения вырвался из груди, как при посадке самолета – уф-ф-ф! Все осталось там – в Ленинграде!

– Шери!.. – Даниэль смотрел на нее влюбленными глазами и излучал доброту и внимание. И тут она почувствовала вину перед ничего не подозревающим мужем.

Господи, если бы Даниэль только знал, какой панический страх загнал ее в самый угол, из которого, как ей казалось, не было выхода. И только предложение влюбленного француза выйти за него замуж дало ей возможность бросить прежнюю двойную мучительную жизнь и начать новую. Но, к сожалению, так получилось, что в этой жизни новоиспеченному супругу отводилась всего лишь навсего маленькая роль международного транспортного средства. Как это ужасно! Проклятая перестройка!

Кто знал хотя бы несколько лет назад, что со сменой власти страны и руководства театра вся ее такая благоустроенная, успешная жизнь рухнет в одночасье? Страх снова охватил ее от этих мыслей.

– Шери, как я рад…

Аллочка устало улыбнулась Даниэлю и согласно закивала его словам, не слишком вникая в их смысл.

Они прошли в грузовой лифт и спустились в подземный паркинг к машине. Еще не привыкнув к мысли, что она во Франции и с мужем, Алла не могла расслабиться, и пылкие порывы Даниэля начали утомлять ее: «Упаси Бог, если он все время так будет без умолку говорить, я с ума сойду!» Но деваться было некуда, и она покорно слушала, молчала и хотела только одного – остаться наедине с собой и выспаться.

Она оглянулась на гудящий от шума аэропорт. Неужели все позади? Бессонные ночи, бесконечные прощания, суматошные сборы, непрерывные телефонные звонки, слезы матери и дочери…

– Мамочка, миленькая-я-я, не уезжай! – неожиданно прозвучал в памяти так отчетливо голосок Любочки, что она застонала.

«Доченька милая, потерпи, я тебя заберу к себе при первой возможности!» – поклялась она себе в этот момент. На глазах выступили слезы.

Алла закуталась в легкий шарф и вжалась в спинку сиденья машины. Даниэль поцеловал ей руку и успокоительно погладил по плечу:

– Все будет хорошо. Ты – со мной!

Она благодарно улыбнулась:

– Спасибо, дорогой! – И прикрыв глаза, жестом руки показала мужу, что у нее болит голова. Даниэль вел машину, изредка поглядывая на измученную жену, наконец замолчал.

Аллочка благодарно подумала: «Может, не такой уж он и зануда?»

Она сквозь прикрытые ресницы посмотрела на мужа.

«Милый, он очень милый!» – уговаривала себя Алла.

Даниэль действительно был хорошим малым. Внешне он совсем не был похож на француза, скорее смахивал на немца или на скандинава. Светлые волосы, влажные голубые глаза и чуть длинное вытянутое лицо. Высокий и худой, тем не менее он был достаточно привлека-

тельным. Правда, сразу было видно – хлюпик. Ему было сорок лет, но, несмотря на возраст, он никогда не был до этого женат.

Даниэль внимательно посмотрел на нее:

– Шери! – и снова начал говорить. Алла даже мотнула головой от тихого отчаяния.

«Нет, он все-таки милый, милый…» – продолжала убеждать она себя.

Начинало темнеть, огни наступающего города становились больше и ярче, потом слились в один поток, а мимо на бешеной скорости мчались машины и автобусы. И Алла, откинувшись на мягкое сиденье, прикрыла глаза и смирилась со своей участью.

2

1988 год. Париж

Борис Александрович Зверев отправил секретную шифровку в Москву:

«В Париже действует группа людей, направляемая и финансируемая секретными службами Франции. Из достоверных источников поступило известие, что в скором времени планируется заброска в Советский Союз большой группы агентов, состоящей в основном из бывших граждан СССР. В их задачу поставлена дестабилизация политической обстановки в Советском Союзе и создание центров поддержки оппозиционно настроенных политиков и антисоветских групп. По данным информационного центра внешней разведки, противнику известно, что в Советском Союзе назревает ситуация политического и экономического кризиса.

Все это благоприятствует планам врага, для которого цель развала СССР является основной».

Зверев внимательно просмотрел еще раз секретный материал, поступивший из отдела контрразведки «Европа».

Он задумчиво прикурил сигарету, щелкнув зажигалкой. Франция, как ни крути, играла основную роль в Европе в тайной войне разведслужб против социалистических стран. И имела, как никакая другая европейская страна, огромный выбор добровольных агентов, из числа бывших советских политэмигрантов, враждебно настроенных к коммунистической системе и желающих сотрудничать с ними. Этому способствовали три больших волны русской эмиграции – послереволюционная, послевоенная и «перестроечная».

Звереву предстояло разобраться в ситуации на месте и по возможности выявить этих агентов. Он был отправлен в Париж со специальной секретной миссией на три года под видом сотрудника Торговой палаты СССР во Франции.

В его задачу для начала входило обосноваться в Париже, внедриться в среду русскоязычного населения, обосновавшегося во Франции за последние десять лет. Старая послереволюционная волна эмиграции их не волновала. Они свое уже отжили и были мало полезны для активных и результативных действий. Но, самое главное, ему надо было выйти на след бывшего сотрудника разведки, Леонида Гуревского, перебежавшего в 1978 году на сторону врага. После его побега по его доносу секретным службам Франции о сети советского шпионажа из посольства СССР были высланы советские дипломаты всех рангов, а также сорваны тщательно разработанные планы секретных операций и раскрыты агенты, работавшие на французской территории. Сейчас предстояло вновь поднять это дело, так как, по данным разведки, его следы проявились в связи с выходом советских разведчиков на группу «Репатрианты», которую, по подозрению Комитета безопасности, именно Гуревский и готовил. Но все это надо было проверить.

Борис Александрович набросал план работы в ближайшей перспективе и задумался. Надо искать контакты с советскими эмигрантами, осевшими здесь. Зверев взял справочник «Желтые страницы» и начал внимательно его просматривать, время от времени делая пометки карандашом и загибая страницы. Русские рестораны, клубы, центры по изучению языков. «Ну надо же, расплодились! – подчеркнул он очередную русско-французскую ассоциацию. – Неплохо здесь устроились!»

Борис Александрович бегло говорил по-французски и прекрасно по-английски, закончив в свое время Московский институт международных отношений. Несколько лет отработал в дипломатическом корпусе в одной из отдаленных африканских стран, где и выучил французский язык. Потом был направлен в Высшую школу КГБ и переведен на работу в секрет-

ные структуры Разведывательного управления – ПГУ (Первого главного управления) в отдел внешней разведки. Ему было сорок три года. На дворе стоял 1988 год.

3

Домой приехали довольно поздно. Алла огляделась. Она никогда не была здесь до этого. Теперь это был ее дом. И никуда от этого не деться. Она сидела в гостиной среди разбросанных сумок и чувствовала себя непрошеной гостьей. Поборовшись с предрассудками, женщина встала и оглядела свой приют. Большая гостиная была заставлена старой мебелью, и было не очень уютно от яркого света многочисленных ламп. Даниель тут же исчез и загремел посудой на кухне. Аллочка нерешительно встала: может быть, помочь?

– Нет, нет, шери, у меня сюрприз! – эхом раздалось из кухни.

Она опять прошлась по комнате, разглядывая без всякого любопытства квартиру. По большому счету, ей было все равно, где жить, только бы никто ее не доставал из прошлой жизни. Хотя, надо признать, после двухкомнатной стандартной ленинградской квартиры это жилье ей показалось просто дворцом. Две спальни, гостиная и обустроенная по последнему слову техники кухня, откуда неслись дразнящие аппетит запахи.

– Шери! – крикнул Даниэль. – Готово!

Алла сжала виски руками. Нет, это невозможно! Это непривычное «шери» – даже не «дорогая» – «шер», а означающее с французского что-то типа «милочка» почему-то выводило ее из себя.

«…Восемь, девять, десять… – посчитав про себя до десяти, постаралась она взять себя в руки. – Кажется, действует! К этому надо привыкать. Теперь я – “Шери”!» – И приняв, насколько ей это удалось, беспечный вид, прошла на кухню.

Даниэль приготовил чудесный ужин и открыл бутылку шампанского. А когда они выпили за встречу, взял руку жены, прикоснулся к ней губами и надел на тонкое запястье подарок. Золотой браслет в виде змейки с бриллиантовым глазом сковал ее руку.

– Шери! Добро пожаловать!

Алла смутилась и почувствовала себя неловко:

– Очень красивый браслет! – улыбнулась она Даниэлю. И, неожиданно для себя, нежно и искренне поцеловала мужа. Не за подарок. Она была безразлична к безделушкам, даже очень дорогим. Поцеловала за любовь и внимание.

– Спасибо, милый! Мерси!

А ночь надвигалась неумолимо. Время подходило ко сну, и ей стало так тоскливо и страшно в непривычном месте, что захотелось обратно домой, в Ленинград.

Даниэль возился с чемоданами:

– Шери, здесь твой шкаф!

У нее не было сил распаковывать вещи, и она, только достав сумку с косметикой, прошла в ванну.

Муж ласково обнял ее и деликатно закрыл за ней дверь: не буду мешать тебе, шери…

Они были знакомы два года, а женаты только десять месяцев. Вместе никогда не жили, не считая недели, проведенной в гостинице «Астория» в Ленинграде, когда поженились в прошлом году. А познакомились они случайно в одной компании русско-французской семьи, когда Аллочка была в Париже на очередных гастролях с театром. Она тогда только посмеялась над не сводившим весь вечер с нее глаз французом. И вот результат. Зря смеялась.

– Шери-и-и! – раздалось из спальни. Она вся внутренне сжалась и приготовилась к моральному мучению.

Надо сказать, что этой первой ночи любви в супружеской постели Алла почти не запомнила. Зря волновалась. Алла всего лишь сказала супругу: «Я устала…», и он тут же оставил ее в покое… «Ну и ну…» – засыпая, подумала она.

4

Биарриц. Франция. 1988 год

В русском православном соборе на набережной Императрицы в Биаррице яблоку негде было упасть. Служба собрала почти весь приход юго-западной части Франции. Отец Николай был доволен, что в этом году русские прихожане, как никогда, в таком количестве собирались в церкви.

Полумрак огромного храма опускался на молящихся прихожан, скопившихся перед освещенным дрожащими свечами и лампадами иконостасом. Богослужение проходило только в воскресные и праздничные дни, и русские православные приезжали издалека, чтобы послушать непривычные для церкви интеллектуальные и страстные проповеди отца Николая.

Молодая женщина в накинутом на голову светлом шарфе, стояла в самом углу собора у выхода и ждала окончания службы. Ее красивое лицо выражало скрытую тревогу и внутреннее страдание. Она нуждалась в исповеди. Это было, конечно, странно для нее, бывшей коммунистки, атеистки и современной советской женщины, вдруг стать глубоко верующей христианкой. Но это случилось. Хотя и не вдруг.

После своего невозвращения на Родину и отречения от прошлой советской жизни ее сознание освободилась от тягот чуждой ей идеологии. Ну, а после рождения дочери она поверила в Бога.

Еще в прежней жизни, в Москве, Евгения иногда заходила в церковь по большим религиозным праздникам послушать песнопения и поставить красненькие восковые свечки по двадцать копеек. Да и в Париже частенько появлялась в соборе Александра Невского на улице Дарю. Но все это было – не то. Не серьезно. И только здесь, в Биаррице, оторванная не только от Родины, но и от друзей и знакомых, уже приобретенных в Париже, она почувствовала тягу к кусочку русской жизни во Франции, сосредоточенной в православной церкви на набережной Императрицы. Здесь несколько лет назад она встретила отца Николая, покорившего ее своей добротой и вниманием. С тех пор Евгения очень изменилась внутренне. И внешне тоже. Отбросив материальные амбиции, она успокоилась и стала жить для дочери и мужа. И была счастлива до того дня, пока внезапная встреча с человеком из прошлого не перевернула ее такую счастливую и уравновешенную жизнь.

Евгения перекрестилась: «Господи, дай мне силы пережить это…» – зашептала она молитву.

Мысли о случившемся и эмоции захлестнули ее. «И зачем понесло меня в Париж? Сидела бы дома… Хотя какая разница, не поехала бы в Париж, Биарриц тоже недалеко. У Москвы – длинная рука! Вот дурочка, жила и была уверена, что все в прошлом. И вот случилось то, чего так боялась все эти годы: здравствуйте, мадам! Вы нас не ждали?»

– Господи!.. – она зашептала молитву с таким самозабвением, как будто только это могло ее спасти от беды.

Евгения не была готова к встрече с прошлым. Совсем. Столько лет скрывала свою прежнюю жизнь от близких и знакомых, думая, что все позади.

Французский муж даже в страшном сне не мог себе представить, что его любимая жена в недавнем прошлом сотрудничала с органами, наводящими ужас на миллионы людей во всем мире. Хотя, если честно, ее работу в ЮНЕСКО трудно назвать сотрудничеством, «несотрудников» туда не посылали. Правда, никаких функций разведывательной деятельности она не осуществляла. Так, иногда писала отчеты о происходящем вокруг и давала характеристики на людей, которыми интересовались органы. Но теперь доказывай французам, что ты не верблюд! А когда так случилось, что она отказалась возвращаться в Москву, она приготовилась к

самому страшному: мести «товарищей» из Москвы. Ждала год, ждала два. Но ничего ужасного не происходило. Вот и успокоилась, подумав тогда, образно говоря, что унесла от них ноги. Оказалось, не унесла. Спустя десять лет они ее настигли. Она содрогнулась от этих мыслей. Неужели только десять лет назад? Ей представлялось, что с ней все это произошло вечность назад и совсем в другой жизни и даже как будто не с ней.

«Господи, царство, и Ты превыше всего…» – донеслось до нее как из другого мира. Женя опять перекрестилась. Что делать? Куда бежать? Поделиться было не с кем. Ну не рассказывать же мужу о своей прошлой жизни! А ей было необходимо освободиться от страшных мыслей, преследующих ее и днем и ночью. Ведь после этой неожиданной встречи с человеком ОТТУДА она уже не могла жить спокойно. За каждым углом, за всяким кустом ей мерещились тени людей из прошлого, преследующие ее по пятам. Вот и сегодня утром, когда она шла в церковь, заметила маячившего всю дорогу в двух шагах от нее мужчину в длинном пальто. Или она уже сходит с ума и мания преследования лишь в ее восполненном мозгу?

«Праведный верою жив будет…» Проникновенный голос батюшки успокаивал и отодвигал все страхи и сомнения. Ну, конечно, единственным человеком, которому она могла довериться и открыть свои мысли, был отец Николай. Он уже знал о ее прошлом и невозвращении в Москву. И в то время только он один понял ее и поддержал, и помог морально удержаться в новой жизни. И теперь Евгения была уверена – он вызволит ее из беды.

Она дождалась конца службы и перед самым закрытием церкви подошла к святому отцу.

– Отец Николай, я хочу исповедаться. Когда можно будет подойти?

– В среду, Евгенюшка. После заутренней. Приходи в десять. Я вижу, тебе не покойно, – и он окинул ее внимательным взглядом. Женщина приложилась губами к его руке и прошептала:

– Не покойно, батюшка. Совсем не покойно. Спасибо за вашу поддержку.

Она подняла заплаканные глаза, перекрестилась и быстро пошла к выходу. Отец Николай сочувственно покачал головой, закрыл за ней дверь на засов и пошел в глубину церкви за алтарь.

5

Рутина семейной жизни совсем не обременяла привыкшую к изнурительному труду на сцене Аллочку. Ей трудно было сейчас представить, что три спектакля в неделю, ежедневные классы и репетиции концертных программ когда-то были нормой. О том, что помимо этого существовала бытовая, семейная и общественная жизнь, и говорить не приходилось. Работала не покладая рук, а в ее случае ног – всю жизнь! По этой причине в новой жизни она ощущала себя в каком-то праздном безделье. А иногда ей даже приходилось сдерживать порывы своего тела, как то: бежать к станку и истязать себя тренировкой, как в былые времена: и ра-а-аз, и два-а-а… Слава Богу, перекладин – не было! Отделывалась легкой гимнастикой и пробежкой по парку. Надо же было чем-то себя занять. Иначе можно с ума сойти! Ну не привыкла она сидеть сложа руки! Посещение магазинов и торговых центров, вначале доставлявшее сплошное удовольствие и умилявшее разными пустяками, что, конечно, не удивительно после пустых советских прилавков, уже надоело.

Надо сказать, Алла любила красивые вещи и знала толк в модных новинках, хотя с детства была неизбалованной, а во взрослой жизни скромной. Да и, честно говоря, карманных денег, отпускаемых мужем, не хватило бы ни на одну из вещичек, присмотренных ею в бутиках.

«Заработаю и куплю»! – отворачивалась Аллочка от понравившейся вещи и чувствовала себя неловко в своей зависимости от мужа. Всю жизнь зависела только от себя.

«Во всех нарядах ты, голубка, хороша!» – улыбалась она своему отражению в зеркале и поправляла поясок на платьице, сшитом три года назад у театральной портнихи (дай Бог ей здоровья!) по случаю своего тридцатипятилетия! А выслушав очередной комплимент от продавщицы (уж они-то понимали толк в индивидуальном пошиве, так как не каждый, оказывается, и здесь, на Западе, может себе позволить такую роскошь), окончательно успокаивалась по поводу смены гардероба. Алла повторила уже не мысленно, а вслух, с грассирующим «р»: «Гар-рдер-роб», – и получила наслаждение. Родное русское, как ей казалось, слово «гардероб», всего лишь навсего – два французских! Гард – хранить и роб – платье. Она улыбнулась своим мыслям – вот что значит изучать язык! А вспомнив рассказ учителя про «шерамыг», опять умилилась лингвистическому анекдоту: шер – по-русски дорогой, ами – друг. Соединив два слова вместе, получается – шерами. В России после разгрома наполеоновской армии умирающие от голода французские солдаты стояли вдоль российских дорог с протянутой рукой, прося подаяние, и жалобно тянули: шер ами… Шерамыги, тут же их окрестили русские победители.

Вот уже две недели Алла посещала школу французского языка для взрослых. И наслаждалась познанием не менее могучего и великого французского. Это была не прихоть, разговорный язык ей был просто необходим. Алла хотела работать и быть независимой от мужа. Она даже представляла, как заработает мно-о-о-ого денег! И непременно вызовет из Ленинграда дочку. Неделю назад она позвонила ей по телефону и шепотом сообщила: «Любочка, миленькая, потерпи, я уже все узнала, до восемнадцати лет ты – ребенок и имеешь право жить со мной во Франции!»

Вечерами, оставшись одна в своей комнате, она с упоением спрягала ничего не значащие раньше и теперь обретающие смысл французские глаголы и слова: «Je sui – Я – есть. Я – есть, я – существую-ю-ю-ю!» – мысленно и в никуда кричала Аллочка.

Прошлое начинало потихоньку отдаляться и изредка напоминало о себе телефонными звонками из дома и немногочисленной почтой в виде открыток и коротких писем. Все было хорошо. Лишь одно ей не давало покоя и страшно мучило – разрыв с дочерью. Алла даже представить себе не могла, как она будет безумно скучать по ней. Она смотрела на фотографию девочки, которая застенчиво улыбалась ей из деревянной рамки, и у нее от бессилия ей помочь опускались руки.

Самое ужасное состояло для нее в том, что Даниэль не выказывал большой радости по поводу воссоединения дочери и матери.

– Шери, она уже совсем взрослая и будет нам мешать. Давай лучше помогать материально? Двести франков в месяц!

– Конечно, мерси, двести франков – сумасшедшие деньги в Ленинграде, особенно если поменять их на черном рынке, но…

Чувство вины, что она бросила дочь, не давало ей спокойно жить.

Ну, а в остальном Алла быстро начала привыкать к французскому стилю жизни, и ей нравилось – все! Ну, может быть, конечно, не все, но, как там говорят, со своим уставом в чужом стане… Поэтому на всякие мелочи, типа после девяти вечера звонить по телефону неприлично (забудь о полуночных разговорах по душам!) или деньги в долг у соседа до получки не попросишь, что в России в порядке вещей, она внимания не обращала. Нельзя так нельзя. Что значат какие-то условности в сравнении с необыкновенным ощущением внутренней и внешней свободы?! От всех и вся! Никто не лез в ее личную жизнь: ни соседи, ни родственники мужа, ни сокурсники по школе. Удивительно, но у них было не принято задавать вопросы о личной жизни или расспрашивать о прошлом. Она даже представить себе такое не могла в Ленинграде. Одна соседка по подъезду тетя Зина чего стоила. Справочное бюро – Зинаида Андревна, как звали ее все в доме. Она знала все и обо всех: в какой квартире кто живет, кто к кому приехал, кто развелся, кто женился, а кто, пусть земля ему будет прахом… Алла только вообразить себе могла, что про нее говорила тетя Зина после ее отъезда в Париж. Поэтому ностальгией Аллочка не страдала. Вот только по семье и по друзьям скучала. В общем, все было хорошо. Даже лучше, чем она себе это представляла.

Муж оказался прекрасным партнером и другом, а «что еще нужно на старости лет?» – думала Алла. Однако, хоть Аллочка давно уже не была юной девушкой, до старости ей еще было далековато. К тому же французы, опять же, в отличие от русских, иначе воспринимают возраст: женятся поздно, детей рожают – после тридцати, начинают жить для себя – после сорока, осуществляют свои идеи и мечты – после пятидесяти и пускаются в повальные путешествия – после шестидесяти. Так что по французским меркам она была молодой женщиной. О-ля-ля! Еще нет и сорока! И это ее очень устраивало.

Алла уже мечтала: как только сдаст экзамен по французскому в школе и получит диплом, который ей даст право работать во Франции, – она будет искать работу. Скорее всего, преподавателем классического танца. Она уверена, что с ее послужным списком в этом проблем не будет.

Новая жизнь в чужой стране не в самом юном возрасте, несмотря ни на что, складывалась чудесным образом. Все было прекрасно. Пока однажды вечером не раздался телефонный звонок.

6

Жорж Кондаков, в прошлом – Леонид Гуревский, абсолютно вжился в имя и образ, далекие от его настоящей сущности. Он работал в секретных службах Франции – Главном управлении внешней безопасности (ГУВБ) – уже десять лет. Его руководителем был опытный разведчик, специалист по Восточной Европе, француз польского происхождения – Жан Пеншковский. Это был сильный политический аналитик и блестящий стратег по разработке секретных операций, а также прекрасный специалист по подготовке массовых протестов и беспорядков, в основном в социалистическом лагере европейских стран. Это при его непосредственном участии были осуществлены волны народных волнений и политических протестов в Чехословакии в 1969 году, а позже, в 1982, была оказана финансовая помощь организации «Солидарность» в Польше. Общими усилиями США, Великобритании, Франции и ФРГ был изменен политический климат в Европе. Сейчас уже был закончен проект по воссоединению двух Германий, разделенных берлинской стеной. На территории ГДР находились опытные агенты, сплотившие в ряды большие группы людей, недовольных существующим строем, которые рвались в бой с коммунистическим режимом. Вот-вот берлинская стена должна будет рухнуть. Но самое главное, в проекте отдела «Европа» на ближайшие годы планировалась крупномасштабная операция по развалу СССР. Операция разрабатывалась французами в строжайшем секрете даже от партнеров за океаном, претендующих на большую сферу влияния НАТО в советских республиках в случае этого развала. Им это было не на руку.

Жорж был назначен руководителем отдела № 7, который занимался набором секретных агентов для внедрения их на территорию СССР. В его задачу входило находить бывших советских людей, проживающих во Франции, и готовить их для работы в Советском Союзе. Там они должны были создавать обстановку политической нестабильности, подстрекать толпы к массовым беспорядкам, распускать слухи, порочащие коммунистический режим, и создавать смуту и хаос в обществе.

Кондаков уже подобрал группу людей, в основном из советских политических эмигрантов, и сейчас готовил их для отправки в Советский Союз. В основном это были бывшие диссиденты 60–70-х годов, которые уехали или были высланы из СССР по политическим мотивам. Многие из них не нашли своего места в «капиталистическом раю», не прижились и не адаптировались в чужой стране и хотели вернуться на Родину, где шли большие процессы в сторону гласности и демократических преобразований.

В его отделе воспользовались официальной лазейкой, о которой Жорж знал не понаслышке, чтобы отправлять агентов в Советский Союз. Еще с 30-х годов при посольстве СССР во Франции существовал отдел по депортации советских людей, оказавшихся по воле случая и различных жизненных обстоятельств во Франции и желавших вернуться на Родину. Подготовив соответствующие бумаги, их переправляли в Советский Союз.

Вот этим и занимался Жорж. Он подобрал группу из таких эмигрантов, которых готовил к деятельности секретных агентов, чтобы потом, совершенно официально, как возвращенцев отправить в СССР.

7

Даниэль снял трубку.

– Шери, тебя! – крикнул он ей в кухню.

Алла, уверенная, что ей звонят из дома, подошла к телефону:

– Да, я слушаю.

Мужской вкрадчивый, но уверенный голос представился:

– Алла Владимировна, вас беспокоит Зверев Борис Александрович. Я привез вам письмо из Ленинграда от товарища Хромина.

Аллочка слушала и молчала. Страх парализовал ее. «Зверев? Господи, кто такой Зверев? Хромин? А это кто такой – Хромин? Ах да! Конечно, помню, Хромин Николай Николаевич… Боже мой, а откуда же он знает мой номер телефона? Хотя понятно, откуда… ОТТУДА!»

А человек продолжал говорить без остановки. Алла проглотила ком в горле и хотела сказать, что она ничего и никого не знает, а фамилию Хромина слышит впервые, мол, Бог с вами, какой еще такой Хромин? Но человек, не дожидаясь ответа, сухо сказал:

– Завтра в полдень, в отеле «Гранд-Опера», в кафе «Ле Пэ», я вас жду. Меня не ищите, я сам к вам подойду.

И даже не поинтересовавшись, сможет ли она прийти, не прощаясь, повесил трубку.

Алла слушала короткие гудки и, изменившись в лице, молча села на стул у телефонного столика. Она все поняла.

«Неужели они меня и здесь не оставят в покое?» – с ужасом подумала она. Муж, увидев ее в таком состоянии, спросил:

– Шери, что-нибудь случилось? Мама? – Он знал, что мать жены серьезно больна.

– Нет, нет, дорогой! Все хорошо. – Она от волнения не могла говорить, но потом, взяв себя в руки, насколько смогла, спокойно объяснила мужу, что коллега из театра привез письма от родных, и завтра она с ним встречается.

Даниэль успокоился и ушел в гостиную смотреть телевизор.

Алла медленно встала и, все еще находясь в оцепенении, вышла из комнаты. Она машинально приняла душ, пальчиком вбила в кожу лица ночной крем, даже не забыла сделать ромашковый чай на ночь. Все как положено. Как будто ничего не случилось.

Поцеловав Даниэля в щеку, как обычно перед сном, и сославшись на сильную головную боль, сказала, что будет спать в комнате для гостей.

Уткнувшись лицом в подушку, она закрыла глаза и попыталась заснуть.

– Серов? Хромин?!

Сон как рукой сняло. Перевернулась на другой бок. Легче от этого не стало. Неспокойные мысли лихорадочно застучали и закружили в памяти, которую Алла в последнее время старалась не ворошить. Мысли причиняли ей нестерпимое страдание. «Надо выпить снотворное. Нет. Не хочется идти на кухню, таблетки там в столе. Может быть, засну и так?..» Зря надеялась. Встревоженная неожиданным звонком память накрыла ее бессонной волной и навязчиво застрекотала, словно кадрами старой кинохроники жизни из личного архива.

8

1970 год. Ленинград

Молодая девушка с сияющими глазами и пылающим лицом от волнения вбежала в гримерку. Прижав ладони к лицу, посмотрела на себя в зеркало и рассмеялась: «Ой, шпильку потеряла, принцесса!» Корона из нежного лебяжьего пуха съехала набок. Поправив прическу и припудрив носик, покрытый капельками пота, она снова побежала на сцену, где еще слышались аплодисменты.

– Браво! Браво!

– Господи, неужели успех?

Трудно было поверить, что самое главное, о чем она мечтала – осуществилось. Алла Михайлова – двадцатилетняя выпускница хореографического училища Вагановой – дебютировала в балете «Лебединое озеро». И не каким-нибудь «четвертым лебедем», а в заглавной партии! Она, Аллочка, – Одетта-Одиллия!

Ее хрупкость, легкость, высокий прыжок и, конечно, сияющая в глазах молодость сделали ее звездой в одночасье.

С детства Аллочка была пугливой и стеснительной, боялась и детей и взрослых, ей трудно было принимать решения, понять, чего же она хочет на самом деле, – любой, даже не очень энергичный человек мог легко подчинить ее волю. И только на сцене она, как по мановению волшебной палочки, становилась сильной личностью и полностью освобождалась от своих комплексов. Вся воля, вся страсть, таившиеся в глубине ее души, вырывались на сцену, где она уже парила, манила, грозила, покоряла! Но музыка заканчивалась, и девочка снова становилась беспомощной перед миром и людьми.

При выходе из театра она увидела группу молодых людей с цветами, которые ринулись к ней за автографом. Она, сконфуженно улыбаясь, подписывала программки.

– Спасибо большое, вы очаровательны!

– Пожалуйста.

– А можно вашу фотографию?

– Извините, нету… – Подписывала и улыбалась комплиментам и все еще не верила, что все происходящее с ней сейчас – правда, а не сон.

Год пролетел в постоянных репетициях новых ролей, которые последовали одна за другой после ее обещающего дебюта. Готовили программу спектаклей, как поговаривали в театре, для гастрольной поездки в США. Аллочка никогда не была за границей и втайне надеялась, что ее, задействованную почти во всех спектаклях, включат в списки выездных.

Однажды директор театра пригласил ее к себе в кабинет – поговорить. Он внимательно на нее посмотрел и сказал:

– Все хорошо, дорогая девочка, ты делаешь большие успехи. – Потом вздохнул и спросил: – А жених-то есть?

Алла смутилась, покраснела и тихо сказала:

– Нет. – И, поправив от волнения челку, добавила: – Но есть поклонники. И не один.

Директор рассмеялся:

– Знаем мы этих поклонников! Забудь о них, милая девочка! Замуж тебе надо. Подумай хорошенько, если хочешь выезжать за границу с театром. – Он встал, давая этим понять, что разговор окончен.

Озадаченная Аллочка вышла из кабинета и задумалась. Действительно, ей уже двадцать, а она не имела даже постоянного парня, как другие девчонки, которые бегали на свидания и шептались друг с другом о своих переживаниях. А она была вся в работе и уставала так,

что после вечерних спектаклей мечтала только об одном – выспаться. Алла стала перебирать в голове всех своих поклонников и ухажеров, и ей стало смешно, что кто-нибудь из них может стать ее второй половинкой. «Да, представляю себе этого массажиста-Вову в роли мужа: Аллочка, кисочка… Ну уж нет!»

Или этот Костик из кордебалета, заикающийся от волнения перед ней и ходящий по пятам повсюду. «Лучше никуда не поеду!»

Ни один из ее знакомых молодых людей, как ей казалось, даже близко не подходил в кандидатуры ее будущего спутника жизни. По крайней мере, как она себе это представляла. Правда, был один музыкант в оркестре театра, скрипач – Эдгар Богданов, который ей нравился. Ну и что из этого? – он никогда не обращал на нее никакого внимания. Аллочка махнула рукой:

– Ну, не выпустят, так не выпустят. Им же хуже! – и побежала на репетицию.

Но мысли в голове закрутились вокруг этой проблемы. Она вдруг обратила внимание на то, что молодые люди на улице оглядываются на нее. Неужели все балетоманы? Нет, что-то не похожи по своим замашкам. Вон как орут друг на друга. Сразу видно, фанаты «Зенита»!

На следующий день, во время перерыва, она зашла в оркестровую часть, где обычно отдыхали музыканты, и, поискав глазами, увидела Эдгара.

– Он! – застучало сердце так громко, что она испугалась. – А дальше что? – Повернувшись было в другую сторону, вдруг вспомнила насмешливый голос и серьезные глаза директора – «Замуж тебе надо, девочка…» – она, набрав в грудь воздуха побольше, как перед прыжком па де ша, подошла к Эдгару. Он разговаривал с двумя молодыми скрипачами, которые недавно выиграли конкурс в оркестр. Алла хорошо запомнила их, потому что присутствовала на отборочном туре. Музыкант удивился:

– Простите, э-э-э? – Было видно, что он забыл ее имя.

«Вот рассеянный с улицы Бассейной! Не знает, как зовут солистку театра. Вот это да! Ничего, я напомню…» – рассмеялась про себя Аллочка и, гордо вскинув изящную головку, смущенно представилась:

– Вы, наверное, не помните меня – Алла Михайлова…

Он вопросительно смотрел ей в глаза. Высокий и худощавый, с темными глазами и шапкой волнистых волос, он был по-мужски сдержан и красив. И тут она смутилась и запаниковала – ну и дальше что? Надо пока не поздно извиниться, мол, извините, ошибочка вышла, приняла вас за другого человека, понимаете ли, так похожи издали на моего кузена… ой, мама дорогая, что делать-то? Потом, выпустила из груди воздух, набранный для храбрости – уф-ф-ф, покраснела и очень тихо сказала:

– Простите, Эдгар, у меня завтра день рождения, – зацепилась она за предлог. Бесстрастное лицо Эдгара повергло ее в ужас и она, опять набрав побольше воздуха, выдохнула: – Я хочу вас пригласить к себе на вечеринку. Будет несколько человек из театра… – и замолчала от ужаса: «Ой, что я говорю, теперь надо кого-нибудь пригласить. Ирку? Ленку? Дурацкая затея! Вот влипла! А маме что скажу?..»

И, не выдержав его взгляда, опустила глаза и неуверенно добавила:

– Если вы не против, конечно!

Он удивленно улыбнулся:

– Совсем наоборот, буду счастлив составить компанию!

Тут Аллочка подумала, что она, видимо, совсем с ума сошла, взяла и сделала реверанс. В голове мелькнуло запоздало: «Еще бы изобразила фуэте, дурочка»! И совсем отчаявшись, прошептав «спасибо», рванула, не попрощавшись.

«Ой-ай, скорей отсюда, стыд-то какой!» – было написано на ее испуганном лице. И только видели ее.

– Алла! – услышала она за собой шаги и смех. – Алла, вы же забыли сказать, куда мне приходить? – нагнал ее в коридоре запыхавшийся Эдгар.

Совсем засмущавшись, Аллочка дала ему номер телефона и адрес:

– Извините, Эдгар, завтра после вечерней репетиции, когда вам удобно… – И быстренько исчезла за занавесом сцены.

«Смешная девчонка, ребенок совсем! – покачал головой озадаченный Эдгар. Он, конечно, давно приметил эту прелестную молодую балерину – восходящую звезду театра и сейчас был очень удивлен ее приглашением. – Интересно, за что такое внимание к моей персоне?»

9

День рождения прошел на славу. Большие счастливые глаза Аллочки, шампанское, негромкая музыка сыграли свою роль: голова у Эдгара кружилась от легкого гибкого стана и прелестного лица «новорожденной».

Все произошло, может быть, слишком быстро, но через полгода сыграли шумную свадьбу, на которой оркестр в полном составе веселился и кружил в танцах до утра с подружками-балеринами.

Эдгар оказался хорошим мужем. Алла делала головокружительную карьеру в театре, и когда подошло время подготовки гастрольной программы, ее ввели почти во все спектакли. Теперь она не сомневалась, что поедет за границу. Была только одна проблема, ее заранее предупредили, что вместе с мужем их не выпустят. И хотя уже прошло десять лет, как в 1961 году на гастролях Кировского театра в Париже Рудольф Нуреев остался во Франции, но до сих пор молодых талантливых одиноких артистов не выпускали за границу. Семейные пары вместе – тоже. Эдгар особенно не переживал, он гордился своей женой-звездой и мог спокойно пожертвовать своим самолюбием – ради любви. Аллочка легко приняла эту жертву.

Театр оперы и балета готовился к большим заграничным гастролям в США.

Всегда имеющие большой успех в Европе, за океан они выезжали впервые. Приготовили свои лучшие спектакли и выпускали звездный состав артистов. Аллочка оказалась среди них.

«Нью-Йо-о-орк, Нью-Йо-о-орк…» – кружилась перед настенным зеркалом классной комнаты Аллочка и боялась поверить, что скоро окажется в этом фантастическом «городе-громаде» и будет танцевать не где-нибудь, а на сцене самого «Нью-Йорк стейт сиэтра» в Линкольновском центре!

Однажды после репетиции к ней подошел секретарь партийной организации и попросил ее зайти в кабинет директора театра. Алла сразу поняла, что это по поводу гастролей в Америку. Переодеваясь в артистической уборной, она спросила Катю Тихонову, балерину с большим стажем, бывающую часто за границей:

– Кать, что там спрашивают по поездке за границу? Я плохо разбираюсь в политике. Все время путаю, кто там секретарь, кто – председатель ЦК КПСС, прямо ужас какой-то!

Катя посмотрела на нее с иронией и улыбнулась.

– По политике будешь отвечать комиссии в горкоме партии, а сейчас поговорят по душам и отпустят. – Она ободряюще похлопала молодую балерину по плечу. – Мы все через это прошли. Не боись! – Потом дружески подмигнула ей и шепнула на ухо: – Любимая песня Брежнева – романс «Очи черные». Особенно куплет – поцелуй меня, потом я тебя, потом вместе мы расцалуемся! Вот ты им и сбацай на комиссии «цыганочку» и сразу пройдешь! – И они громко рассмеялись.

Секретарша, симпатичная в возрасте женщина, пригласила Аллу в кабинет, где ее ждал незнакомый мужчина.

Приветливо поздоровавшись, он жестом руки пригласил ее сесть в кресло. Аллочка, смущаясь от непривычной обстановки, присела на самый краешек сиденья и, не выдержав внимательного отеческого взгляда, отвела глаза: «Мамочка, страшно как! Ничего, ничего, Катя сказала же, разговор по душам… по политике в горкоме партии, да и вообще, я – беспартийная!»

В комнате воцарилась враждебная, как ей показалось, тишина.

– Иван Андреевич, – представился мужчина и, раскрыв папку с бумагами, внимательно и изучающе посмотрел ей в лицо. Алла вжалась в кресло: Господи, да когда же все это закончится?!

Ей захотелось побыстрее ответить на вопросы и убежать отсюда, а не разговаривать «по душам». Какой уж там «по душам», подумала она, в таком-то месте!

Девушка чувствовала себя неуютно в этом большом кабинете с человеком, который внушал ей страх. Но Аллочка вежливо улыбнулась и приготовилась к пытке.

– Очень приятно, Алла Владимировна – неожиданно спокойным доброжелательным голосом приветствовал ее высокий крупный человек. Она, собрав всю свою волю, посмотрела ему в глаза. Большие навыкате глаза были внимательными, с проникновенным одобряющим взглядом.

«Наверное, базедка…» – подумала Аллочка и попыталась сосредоточиться на разговоре, но ее мысли разбегались в разные стороны, не давая ей вникнуть в суть происходящего. Тогда она исподтишка начала рассматривать важного на вид партийного товарища. Ничего особенного, дядечка как дядечка, мужчина пенсионного возраста, довольно грузный, с одутловатым красным лицом.

А партийный товарищ с серьезным выражением лица и мягким проникновенным голосом начал вещать. Причем так долго и витиевато, что ей пришлось напрячься, чтобы понять, к чему все это он клонит. Ей даже на какое-то мгновенье показалось, что это был действительно разговор по душам, правда, в очень странной форме обтекаемых витиеватых фраз о любви к Родине и советскому народу, о чувстве долга и гордости представлять советское искусство за границей и прочей пропагандисткой, на ее взгляд, ахинеей. Алла согласно кивала ему головой и надеялась, что на этом все ее мучения и закончатся. Она уже было расслабилась и даже улыбнулась Катиному анекдоту про Брежнева. Вот бы его рассказать этому серьезному дяде…

Но, как оказалось, радовалась рано. Под конец беседы Иван Андреевич вдруг сделал строгое лицо, заметив, что она витает в облаках, и сказал:

– Алла Владимировна, вы, конечно, знаете, что ваша бабушка после революции эмигрировала во Францию и вернулась обратно на Родину в конце двадцатых годов с вашим отцом?

Аллочка испуганно посмотрела на него, но, не выдержав его испытующего взгляда, отвела глаза и почти прошептала:

– Отцу тогда было три года, а бабушки давно нет в живых. Умерла в блокаду Ленинграда… – В голове мелькнуло «К чему это он клонит? Вот тебе и анекдот!»

– Нам это известно. А знаете ли вы… – тут Иван Андреевич встал, прошелся по кабинету и сделал долгую паузу. Потом вернулся на свое место за столом и продолжил: – Так вот, знаете ли вы, что ваш дедушка, Иван Константинович Михайлов, был офицером царской армии и сражался против революции под предводительством Колчака? – Он опять замолчал и забарабанил пальцами по столу. – В 1919 году он бежал во Францию. Как мы знаем, к нему ваша бабушка и ездила. А ваш отец, Михайлов Владимир Иванович, родился в 1926 году в городе … – тут он запнулся и посмотрел в бумажку – в Рамб… в Рамбуйе.

Иван Андреевич сделал передышку и внимательно посмотрел на Аллочку так, словно это она совершила преступление и была причастна к рождению отца за границей.

Потом, прокашлявшись, он мягко улыбнулся:

– Вы, наверное, не знали, но дед ваш был известным антисоветчиком и дожил до 1959 года в Париже, а не умер от тяжелой болезни в 1927 году, после чего ваша бабушка вернулась на Родину, как указано в ваших анкетах. И что вы мне на это ответите?

Он отвернулся лицом к окну. В кабинете воцарилась мертвая тишина. Лишь издалека доносились звуки мелодии из «Золотого петушка» Римского-Корсакова. В театре шла репетиция.

Пораженная Алла молчала. Она ничего не знала об этом. «Откуда им это известно?» Близкая к истерике, Аллочка не знала, как себя вести дальше. Ей было понятно, что с таким пятном в биографии заграница не светит!

Но все же, собравшись с духом, она тихо выдохнула:

– Я ничего не знала об этом, и в моей семье никогда не говорили про деда. А отец умер пять лет назад от инфаркта.

Да, оказывается, она еще много чего не знала. И вот теперь ее просветили, что отец сидел в лагере для политических, в зоне для детей «врагов народа» и вышел оттуда после войны, когда ему было всего двадцать лет. Бедный папа! Жалость к отцу пронзила ее. Да и откуда ей все это было знать, ведь родилась Аллочка позже всех этих трагических событий, и дома эти факты от нее скрывали.

Алла опустила голову, стараясь не смотреть в это ужасное лицо с доброй улыбкой, которое внушало ей животный страх. Ей хотелось одного – убежать отсюда, чтобы не видеть, не слышать этого человека.

Иван Андреевич встал из-за стола. На его удовлетворенном лице словно было написано: «Да, с этой испуганной пигалицей можно работать. Вон, в штаны наложила от страха за деда, которого в глаза не видела, эхе-хе, дурочка…»

Он подошел к креслу, где ни жива ни мертва сидела Аллочка, и положил ей руку на плечо. Алла нервно вздрогнула.

– Ну, дорогуша, что вы так испугались? – Он опять мягко улыбнулся – Мы знаем, что вы к этому не имеете никакого отношения!

Аллочка нерешительно взглянула ему в глаза – в голове блеснула молнией надежда – ну, вот, они понимают, что я тут ни при чем…

– Вы считаете, что я могу рассчитывать на выезд с театром за границу?

– Ну, конечно, Алла Владимировна, не будет никаких проблем.

– Правда? Спасибо!

Аллочка, все еще не веря в свое счастье, привстала в кресле и тут же упала обратно, когда услышала:

– Правда, правда, но только с одним небольшим условием с вашей стороны…

10

Август в Париже – особое время. Безлюдно. Машины, обычно в это время сплошным потоком текущие по улицам, казалось, полноводной рекой, все вытекли прямо по кольцевой дороге за черту города. Даже собачек, каковых обыкновенно столько, что кажется – больше, чем самих парижан, вовсе не видно. О детях, которые, как водится, в сопровождении своих нянь привычно галдели на бульварах и в парках, и говорить не приходится. Их просто нет. Исчезли в неизвестном направлении. Но самое удивительное, рестораны и кафе – закрыты. И где же вы такое видели, чтобы в Париже, городе гурманов, перекусить было негде? Ну, если только в точках фаст-фуда для туристов. Да ладно бы только кафе и рестораны, но, что интересно, конторы, банки, государственные заведения и частные мелкие лавочки – все закрыто!

– Что случилось? – спросила своего мужа удивленная Алла, и он, рассмеявшись, объяснил:

– Все в отпуске.

– Нет, правда? Не может быть! Все сразу? В один день? По-нашему, называется «все ушли на фронт»!

– А у нас называется – ваканс!

– Ну и ну… – Она сначала подумала, что он шутит. Но Даниэль улыбнулся – Вся Франция, шери, отдыхает в августе!

Действительно немного странно – Париж безлюден. Только в центре города туристы стайками стоят в длинных музейных очередях и снуют по туристическим лавочкам за сувенирами.

Аллочка удивилась:

– Ничего себе, в пригородах даже супермаркеты закрыты!

И так – целый месяц. Потом все возвращается на круги своя и вливается в обычное русло. Как прежде, автомобили забивают все улицы и парковку невозможно отыскать; собачки, вернувшиеся с хозяевами из загородных домов, делают свои дела на асфальте; дети и няни занимают свои позиции в скверах и парках; в общем, жизнь продолжается как ни в чем не бывало.

Была середина августа. Алла спустилась по лестнице в метро. Надо сказать, машину она не водила, эта была еще одна из ее фобий: боялась руля как огня. Когда ее уговаривали сдать на права, испуганно говорила:

– Ой, нет, вождение не для меня. Первый столб будет – мой! Не хочу!

Вот так и обходилась всю жизнь общественным транспортом. Даниэль водил.

В парижской подземке было прохладно и спокойно. Не то что неделю назад, когда она ехала на курсы французского языка в забитом до отказа поезде. Немногочисленные пассажиры в вагоне никуда не спешили. Да и куда торопиться – никто не работает! Аллочка села на свободное место у окна. Жили они с Даниэлем в Шестнадцатом округе Парижа возле метро «Ля Муэтт», на улице Моцарта. Поэтому ехать на станцию «Опера» было легче легкого – без пересадки на «Обер» и пять минут пешком до «Гранд-Отеля». Алла уже начала разбираться в маршрутах метро и автобусов, легко ориентировалась в пространстве большого города. Она была типичной горожанкой. Париж Аллочка любила, бывая в нем неоднократно с театром, и теперь считала своим родным городом.

Ну, конечно, только после Ленинграда. Питер был как первая любовь. Навсегда!

Но сейчас сама мысль, что она живет в таком прекрасном городе – Париже, не радовала ее. Париж не дал ей защиты от прошлого, она не смогла, как надеялась, затеряться в многомиллионном городе. Не затерялась.

Она ехала на встречу, хорошо понимая, что свидание с незнакомцем – не просто так! Ну да, конечно, не зря же, когда она получала визу на выезд к французскому мужу в Париж, ее

вызвали на собеседование на Литейный 4, в народе прозванный Большим домом. Чиновник, молодой крупный мужчина, с беглой улыбочкой на бескровном лице, представился:

– Хромин Николай Николаевич, ваш куратор по внештатной деятельности. – И так хитренько на нее посмотрел, словно хотел сказать – начальство надо знать в лицо!

Да откуда же Аллочке было знать, что перед ней сидит хорошо известный в своих кругах «искусствовед в штатском», по кличке «хромой». До того как он занял это почетное место в кабинете, Николай Николаевич делал карьеру, вербуя и курируя стукачей из театрально-литературной богемы. И достиг небывалых высот на этом поприще. Он так ловко втирался в доверие наивных художников и поэтов, не зря же сам баловался писанием стишков, что получал богатейшую информацию на всех и вся!

Но Алла этого не знала, ведь она доносила, – нет, нет, это неправда, она была уверена, что не доносила, а всего лишь писала отчеты на проступки, как их называли в то время, неблагонадежных элементов! Она ни на кого не клеветала, честное слово! Аллочка даже взмокла от своих лихорадочных мыслей, глядя на самодовольное лицо Хромина, не сводящего с нее глаз. Она писала так называемые донесения своему непосредственному куратору – Ивану Андреевичу, ну да, тому самому, который завербовал ее, шантажируя прошлым ее деда, двадцать лет назад. Теперь вот сам-то Богу душу отдал, а она нынче мается.

А тут еще эта «гласность», архивы начали трясти, слухи поползли по театру, что «звезда балета» – стукачка!

– Не стукачка я! Так получилось, – хотелось кричать ей на каждом углу. Да разве им теперь докажешь? Вот и приходится бежать сломя голову, подальше от пересудов, сплетен и обвинений. Говорят, дальше хлеще будет. Судить будут скоро за это. Гласность и перестройка набирали скорость, сметая все на своем пути: и плохое, и хорошее. И Аллочка, на свою голову, попала в самое пекло исторического пожара.

Товарищ Хромин, заметив всю игру мыслей и волнений на лице известной балерины, ухмыльнулся, дескать, не волнуйтесь, Алла Владимировна, мы понимаем, что любовь не картошка…и вы, конечно, Родину не продаете за западные блага, вы только к мужу… но вы еще нам пригодитесь, так сказать, для служения родной стране и советскому народу… Так подумал, но прокашлялся и проникновенно сказал:

– Вы знаете, Алла Владимировна, мы вам доверяем и даем разрешение на выезд во Францию, конечно, с надеждой на взаимность… – и с благостной улыбочкой поставил штамп в заграничном паспорте. Тогда она не приняла это всерьез и, не читая, подмахнула росчерком подсунутые бумаги, подумав: «Да кому я там буду нужна?» Зря так думала. Оказывается – нужна!

Алла вспомнила, как перед самым отъездом во Францию к ней домой пришел человек в штатском и принес стандартный конверт без марки. Оглядев беглым взглядом квартиру и хозяйку, он сказал, что он от Хромина, и попросил передать это письмо в Париже. Аллочка побелела лицом и взяла дрожащими руками пакет. На конверте без адреса был написан парижский номер телефона. И все. Она побоялась тогда отказать – вдруг не выпустят в самый последний момент, и взяла письмо. Теперь поняла, конечно, это была ее ошибка.

Когда прилетела в Париж, закрутилась и почти забыла об этом неприятном эпизоде. А через неделю, разбирая бумаги, наткнулась на конверт. Весь день она думала и сомневалась – позвонить или сделать вид, что никакого письма не было. Даже разозлилась на себя за нерешительность и хотела выбросить конверт. Но, вспомнив въедливые и холодные глаза офицера, принесшего письмо, поняла, что этого делать не следует, и набрала номер телефона.

Это было в апреле. Письмо по адресу, продиктованному ей по телефону, все же она отнесла и приготовилась ждать неприятностей. Месяц ждала, два, на третий забыла, успокоилась и подумала, что ее, наконец, оставили в покое. Оказалось, не оставили!